

ИНГА
МАКСИМОВСКАЯ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИЗМЕНА. *Не отдам
никому*

Инга Максимовская

Измена. Не отдам никому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69465079

SelfPub; 2024

Аннотация

– И когда ты хотел сообщить мне, что у тебя есть дочь? – спрашиваю прямо в лоб, не давая предателю возможности солгать. – Никогда, – отводит глаза мой любимый муж. – Мне нужна только ты. Ты моя любовь. Но я уже отчаялся стать отцом. У нас-то с тобой не выходит.– И ты решил мне изменить? Да уж, ты и вправду меня любишь, несомненно, – горько улыбаюсь. В руке, которую я прячу за спиной, зажат положительный тест на беременность. Этот день должен был стать самым счастливым в моей жизни. Но вышло то, что вышло. Мой малыш будет только моим. Я так решила.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Инга Максимовская

Измена. Не отдам никому

Глава 1

Персиковый лед

– Лира, вы меня слышите? Поздравляю. Старания увенчались успехом. Диагноз бесплодие – больше не ваш диагноз. Можете обрадовать мужа. Беременность пять недель. Вы станете родителями.

Я слушаю и не слышу. Надо будет купить торт. Самый большой и красивый. А в аптеке соску, которой я украшу кремовое безумие. А еще... Димка, он счастлив будет. Он так хочет малыша. Он будет восхитительным отцом, несомненно.

– Лира, – зовет меня доктор, – вы в порядке?

– Да, более чем, – голос дрожит от переполняющего мое тело счастья. – Просто... Я до смерти желаю персикового льда из супермаркета. Ну того, мерзкого, химозного. Где вся таблица Менделеева присутствует.

Господи, что я несу? Говорят гормоны очень сильно влияют на мозг беременной женщины. Беременной. О, Боже... Я БЕРЕМЕННА.

– Ну, в вашем случае это оправданные капризы женщины

в вашем положении. И все же, старайтесь питаться правильно. Я выпишу витамины и будем наблюдаться.

– Будем. Конечно будем. А льда то мне можно?

– Можно. Но благоразумно, – улыбается доктор.

По пути домой забегаю в аптеку. Тест покупаю, чтобы убедиться. Все еще не верю своему счастью. Димка, как же он будет счастлив. Мы ведь четыре года ждали. Долгих четыре года. Нет сил терпеть до вечера. Тем более, что офис моего мужа совсем рядом. Буквально через дорогу.

Так и врываюсь в здание фирмы Димки, с дурацким фруктовым льдом во рту, который купила в первом встреченном мной дешевом супермаркете и пакетом из аптеки.

– Лира Григорьевна, я доложу вашему... – лепечет секретарша Димки, как то странно отводя глаза. – К нему нельзя. Там... Сопещание... Я должна доложить.

– Нет, это сюрприз, – подмигиваю заговорщически, устремляюсь к тяжелой двери кабинета моего мужа. Моего любимого, единственного. – Думаю его сопещание можно прервать, как думаете? – подмигиваю, махнув аптечной торбой перед лицом девчонки.

Сюрпризы мне никогда не удавались. Стоит признать. Смотрю, раскрыв рот, на двигающийся взад-вперед зад моего стонущего мужа. Туда-сюда. Задорно и с оттягом. И шлепки слышу тела моего мужа, ударяющегося о распаренную промежность рычащей от восторга девки. Проклятый фруктовый лед тает в моей руке, так же стремительно, как и мое

оглушительное счастье.

Прелюбодеи даже не замечают моего появления. А я стою, не в силах и звука выдавить. Горло словно сковало тем же персиковым химическим лакомством.

– Ты уже сказал своей дурочке пустой про нас? – вливается мне в сознание мелодичный стервозный голос. И взгляд, нахальный, чужой оценивающий. Нет, меня все же заметили. На меня смотрят лисьи глаза, в которых плещется превосходство. – Если нет, то сейчас самое время.

– Лиська, ты нашла время, – снова стонет Димка. Мой любимый муж, хрипит, явно возносясь к пику удовольствия. Я лучше всех знаю, как он... Черт.

Подтаявший лед врезается прямо в задницу изменщика, брызжет во все стороны липкой жижей.

– Сюрприз, – глупо выдыхаю я, глядя на спущенные штаны и опавший член любимого, резко развернувшегося ко мне.

– Шикарный сюрприз, – ухмыляется сука, развратно раскинувшая ноги на столе моего мужа, словно наслаждается моей растерянной тупостью. Дает мне возможность рассмотреть то, на что меня променяли. Да, я конечно выгляжу сейчас бледно. И туфли, так же развратно разбросанные по полу, выглядят греховно. У меня таких нет и не было никогда. Я просто не умею ходить на такой головокружительной шпильке.

– Лира? Какого...? Ты почему не предупредила? Уволю

эту дармоедку... Детка, все не так...

– Не нужно, твоя секретарша честно хотела предупредить своего босса. Я не позволила, – почему я мямлю? Я ведь должна сейчас в истерике биться, кидаться мебелью. Что там еще положено делать беременным дурам, которых предал муж? И лед персиковый жалко. Черт, подобрать с пола и достать что ли? – И давно это у вас? Ну...

– Ты хотела сказать, блядство? Да, дорогая Лира, давно, – зубы у шлюхи белоснежные, чуть заостренные, как у лисички. Она улыбается. Будто хочет вцепиться мне в горло. – Да, именно это и нравится нашему Мите. А не секс под одеялом, при выключенном свете. Ему нравится играть в ролевые игры и трахаться на столе. Ты же его лишила подобного удовольствия. Ах, непорочная благочестивая курица-наседка. Ко-ко-ко.

– Заткнись, – мой муж зол. И растерян. Растерян и зол, странная смесь эмоций. – Лиса, прошу, прекрати. Я же говорил, что...

– Что не бросишь несчастную больную жену, у которой нет даже детородной функции? Пустышка, которая наследника подарить не может. Ну кому она нужна будет, убогая? Холодная, как скумбрия, бревно негнущееся. Ты ведь так говорил, родной? Лира, а вы знаете, что у вашего мужа есть дочь, ее зовут Милаша? Ей два месяца. Ему родила ее я, – с лица этой течной суки сползает фальшивая улыбка. Остается только оскал. – Я, а не ты. И ей отец нужен. Слышишь ты,

недоделанная?

– Ты... так... говорил? – мне кажется, что даже на ко-ко-ко у меня сейчас не хватает воздуха.

– Закрой рот, Лиса, пока я его тебе не заткнул, – рычит Димка. Мой Димка. Мой первый и единственный. – Лира, подожди. Прошу тебя. Я объясню все. Да погоди ты.

– Чем, Котеночек ты хочешь заткнуть мой рот? Или ты хочешь чтобы я показала твоей жене, как делать то, что тебе нравится, чтобы ее муж не искал на стороне кайфа? – заморгала наглая мерзавка.

– Лира. Прошу тебя. Не слушай ее. Лира, твою мать. Я велел тебе выслушать меня.

Велел? Куда там? Чего ждать? Я видела все своими глазами, даже больше чем нужно. Мерзко, до тошноты, гадко и очень больно. Просто невероятно. Оглушительно.

И теперь позорно бегу. Да, просто выбегаю из кабинета и несусь, куда глядят глаза. Лишь бы подальше от этого вертепа. Перед глазами до сих пор бесстыдные белые ляжки любовницы мужа, и эпилированный лобок. О, боже. Сгибаюсь от рвотных спазмов, вцепившись в грязную кирпичную кладку какого-то дома. Какой стыд.

Глава 2

Ко-ко-ко

– И ты не запихнула ему чертов лед в задницу? – моя подруга слишком категорична всегда. Но сегодня я склоняюсь к мысли, что она почти всегда права.– Не ухайдокала эту шлюху той хреновиной, которую твоему муженьку вручил мэр, ну тем кубком, как лучшего бизнесмена года? И не разгромила кабинет проклятого изменщика?

– Нет, – жалко сиплю я, облизывая очередной брикет вонючего льда. Его бы еще мелом присыпать, было бы вообще... Господи, о чем я думаю? Меня предал самый близкий, самый любимый, родной. И не только меня. Кладу руку на плоский живот, будто ища у крохотного еще малыша поддержки.– Не разгромила. И ты знаешь, почему.

– Ты и вправду ко-ко-ко, дура ты. Все еще лелеешь свою благодарность? А на деле козел то муж твой. Блаженная ты Лирка, – вздыхает Буська. Вытирает липкие капли со стола, текущие с моего лица и смешанные со слезами. Мерзко.– Что делать думаешь? Неужели простишь спасителя Димусю?

Я не успеваю ответить. Тишину квартиры Буси раздрает звонок. Я знаю, кто это пришел. И я не готова к разговору с предателем.

– Впустить? Или убить? – хмыкает подруга. Надо же, поварешкой вооружилась.

– Я с ним разведусь. Не могу смотреть в его лживые глаза. Не хочу. Такой же, как...

– Ну да, там вся партия, похож, бракованная. А ребенок? – бровь Бусюши ползет прямо на лоб.

– Это мой ребенок. Поняла? Только попробуй сказать ему. Я сама воспитаю свое счастье. Больше не могу терять, слышишь. Никому не отдам.

– Эх, – машет рукой подруга. Я почти готова. Провожая взглядом ее фигуру, которая исчезает в прихожей. – Мы готовы, – шепчу, своему животу. – Мы справимся. Мы обязательно справимся.

Когда он входит в маленькую кухоньку, предательское сердце пропускает сразу несколько ударов. Он не мой. И в этих заострившихся чертах его мужественного лица, я совсем не вижу раскаяния, как ни стараюсь. Злость. Димка зол, как сто чертей.

– Лира, это детский сад. Почему я должен бегать по городу в поисках своей жены, чтобы поговорить? Или ты тут не одна? Успела отомстить мне? Сводня подсуетилась уже? – он что сошел с ума? Шарит глазами по кухне, словно ищет чего-то, или кого –то. Смешно. По себе что ли судит? Отомстила? У меня никого нет кроме него. Нет и быть не может.

– О чем ты, Дим? О чем говорить, если... Если у меня пуста вот тут, – прикладываю руку к правой стороне груди. – Я любила тебя. Верила. Ты растоптал все. Перечеркнул.

– Просто не нужно было приходить без предупреждения, –

морщится мой любимый муж.— Лира, я бы разобрался с этой проблемой в ближайшее время.

— Дима, маленький ребенок это не проблема. Это счастье. У тебя там дочь,— задыхаюсь. Горло словно стянуло шипастой лианой.

— Да. Дочь. И я люблю ее. Дети не рождаются без участия женщины. Ты должна это знать. У нас не получилось. Ты знаешь чья вина в этом. Я смог принять тебя такой, какая ты есть. Отказался ради тебя от того, что мне было дорого. Ты не вправе меня винить, что я исполнил свое желание. И это не повод рушить все. Лиска просто контейнер. Еще немного и я бы забрал свою дочь. И мы бы зажили счастливой полной семьей. Это же лучше, чем усыновить не понятно чьего младенца. Я уверен, ты бы поняла меня. Тут он хотя бы на половину нам был родным. На мою половину. А чужого я бы не смог. Понимаешь?

— Нет, не понимаю. Есть же суррогатные мамы, есть много способов... — лепечу, хоть и понимаю, что это бесполезно, что все уже перечеркнуто, перемолото и решено им.

— Я просто больше не мог ждать. Эта девочка уже родилась, так что разговор наш бессмыслен. Собирайся, поехали домой. Прекращай глупить.

Я слушаю мужа и понимаю, что никогда его не знала. Передо мной стоит чужой человек, злой, самовлюбленный, думающий только о своих желаниях. Но он все еще Димка. Предатель, изменщик, но мой муж. И сердце рвется на части.

Еще утром я была самой счастливой на свете, а теперь...

И мне так хочется верить ему. Его словам о любви, которые он наверняка вот так же легко как мне, говорит своей любовнице. Прижаться к широкой груди, уткнуться в нее носом, и рассказать любимому страшный сон. А он бы снова назвал меня глупышкой, как и всегда. Развел все тучи над нашими головами, как обычно. Как тогда, шесть лет назад. Он меня спас, не позволил провалиться в пучину из которой я бы не выбралась. Он тогда спас меня от предательства любимого, поддержал, смог вытянуть. Стал самым нужным, а вот теперь предал сам. И моя любовь совсем не благодарность Димке. Я и вправду его полюбила. По-настоящему. И я бы сделала его по-настоящему счастливым. Но увы, этот кошмар совсем не сон. Он наяву. Он повторяется. И от этого хочется выть.

– Лира, милая я люблю только тебя. Я по тебе с ума схожу, с того дня, как увидел впервые. Помнишь? Ну что ты как девочка? Ты ведь понимаешь, что я мужик? Что иногда...

– Дим, я хочу развод, – господи, как трудно дается каждое слово. – Не смогу простить, то что видела. Не хочу.

– Развод? – щурится мой муж, давится интонацией. – Ты дня не проживешь без меня, идиотка. Какой развод? Ты же загнешься под забором.

– Я подам сама.

– Сука, ты... Я вытащил тебя из такой задницы и теперь получаю благодарность? – он кричит. До меня долетают ка-

пельки слюны. Сжимаюсь на стуле.

– Ты слышал что тебе сказали? Проваливай, пока я полицию не вызвала, – гремит голосом Буська. Как я ей благодарна сейчас.

– А, сводня. Куда ж без тебя? Что, уже рассказала ей ...? Поэтому мы разводимся, так ведь? И ты, моя любимая жена в офис прибежала, чтобы я не заподозрил тебя в измене. Сроду не приходила, а тут на те. Что, не ржавеет старая любовь? Дала уже этому придурку?

– Рассказала что? – шепчу мертвея. Какая любовь? Дима, ты один у меня.

– Пошел вон, – поварешка в руках моей подруги страшное оружие. – По себе не суди всех.

– Приползешь. Лира. Никому ты не нужна, кроме меня. Видно забыла ты д обро, кусаешь руку того, кто тебя спас. Забыла, что я сделал для тебя.

Глава 3

Гребаный день (шесть лет назад)

Я помню. Помню каждый миг. Каждый гребаный миг.

– Лирка, не дрейфи. Моя родня тебя не съест, ну если только папа чуть-чуть откусит. Да шучу я, ну не морщи нос, ты похожа на ежика, – смеется Олег, прижимает меня к себе, и я таю. Нет, мне все еще страшно. До одури.– Да и сидеть будем тесным кругом: отец, Любочка и мой брат.

– У тебя брат есть? Я не знала, – лепечу я растеряно. Любочку я знаю. Мачеха Олега прекрасная, улыбчивая, совсем немногим старше меня. Эта маленькая, похожая на статуэтку женщина рядом с отцом моего любимого выглядит крошечной и очень милой. Папу Олега я боюсь. Он аж целый генерал, а я... Я его сыну не пара. А вот о брате я не слышала никогда. Странно.

– Есть, сводный. У нас мама одна, отцы разные. Лирка, расслабься. Диман мировой парень. Мы же любим друг друга. И будем счастливы. Так что все уже решено. Ты слышишь, глупыш? Ты моя, навсегда.

– Будем, навсегда, – хриплю я, поддегиваю на плече дешевую сумочку где лежит купленный мною еще вчера тест на беременность, на котором огнем горят две полоски. И я верю в свои слова. Навсегда. Я готова. – Как я выгляжу, Олеж?

Платье слишком дешевое, да? Слушай, в вашем доме я буду выглядеть чернавкой. Может, перенесем смотрины?

– Лира, не глупи. Это не смотрины. Это... В общем, я хотел не так... При всех хотел, но думаю будет правильно...

– Что ты делаешь? – хриплю, глядя, как мой Олег опускается на колени, прямо на потрескавшийся пыльный асфальт.

– Пытаюсь сделать то, что давно собираюсь, – улыбка на его лице такая, что сердце мое пускается в галоп. Никогда не привыкну к тому, как Олег Болмосов, мечта всех студенток нашего универа, смотрит на меня. Никогда. И в животе распрямляется тугая пружина, когда я чувствую на своем пальце тяжесть кольца. Старинного. Восхитительного, сверкающего на солнце миллиардами искр. – Ты же выйдешь за меня?

– Да, – счастливо смеюсь я. – Да.

Я счастлива. Готова взлететь. И мне не страшно больше.

– Тогда и я признаюсь, – улыбка сама расцветает на моем лице, когда я протягиваю, теперь уже жениху, обычную бумажную полоску, горящую двумя алыми линиями.

– Лирка, моя Лирка. Я клянусь, что сделаю вас самыми счастливыми на свете. Веришь?

– Конечно, – так хорошо. И вся жизнь впереди.

Дом Болмосовых встречает нас распахнутыми окнами, тихой музыкой, светом, радостью. А может это просто у меня так сейчас легко на душе.

– Это Лира. Моя Лира, – я выступаю из-за широкой спи-

ны жениха. Боюсь, что свалюсь в обморок. И первый, кого я вижу – молодой красивый парень, буравящий меня взглядом карих, каких-то искрящихся глаз. Он похож с Олегом, разве что черты лица у него тоньше, и нос чуть длиннее. И мне не по себе, от того, как он на меня смотрит. Жадно, оценивающе. Завистливо? Да нет, это просто нервы. Вот и мерещится всякая чушь.

– Ну что же вы?– довольный бас генерала вытягивает меня из гипнотического транса.– Проходите. Любушка, выдели девочке постоянное место за столом. Судя по тому, как сверкает на пальчике бриллиант моей маменьки, это насущная необходимость. Бриллиант для бриллианта. Ну, не смущайся, сноха. Не съем тебя. Если мой сын тебя выбрал, значит теперь ты наша.

– Бриллиант? – боже, провалиться бы сквозь землю. Ноги словно приросли к паркету наборному, только рука Олега на плече не дает мне исчезнуть.– Сноха?

Боже, только бы снова начать дышать. Одергиваю подол платья, будто это поможет.

– Милочка, вы беременны? – перевожу взгляд на женщину, которую раньше и не заметила с испугу. Ее капризное холеное лицо кривится в подобии милой улыбки. Но мне кажется, меня сейчас растерзают.– Не нужно так на меня смотреть. Нормальный вопрос. Обычно в столь нежном возрасте, хищные цветочки залетают на раз-два, чтобы привязать к себе мальчиков, у которых на горизонте весьма недурные пер-

спективы. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Так что, я ведь права?

– Галя, не нужно,– басит генерал Болмосов. Я точно сейчас свалюсь. Поэтому падаю на стул, который мне выделила милая Люба.– Дочка сейчас и так свалится в обморок.

– Почему. Олег мой сын и я...

– Надо же, вспомнила,– ухмыляется Олег, и кажется пытается меня закрыть собой. Как обычно. Сердце заливает огненной любовью и благодарностью.– Что ж ты так не переживала, когда меня отдала? Я ни за что не поступлю, так как ты сделала. Мама, я взрослый, и вполне отдаю себе отчет... Кстати. Что это ты вдруг вспомнила обо мне?

– И не забывала. Как узнала, что ты сошел с ума, сразу приехала. Хорошо, что Дима сказал. Надо быть полным идиотом, чтобы отказаться от своей жизни. Ты понимаешь, что тянешь себя на дно? Какая семья, подумай? На ноги еще не встал. Но уже гробишь перспективы...

– Она меня пытала, брат,– шепчет кареглазый, и черти пляшут в его взгляде.– Леж, прости, но...

– Так ты у нас не гинеколог теперь, а психиатр? – кривит губы Олег. И я вижу, как ему больно. И так хочется его спасти. Укрыть. Мой жених, у которого из-за меня куча проблем.

– Так, а ну тихо. Сын прав, он отвечает за женщину, которую любит. Это по-мужски,– хлопает по столу рукой отец Олега. Я подпрыгиваю от неожиданности. Боже, срам ка-

кой.— Галя, если пришла в мой дом, будь любезна уважать тех, кто тут живет. Нет — до свидания. Не позволю обижать девочку. Она совсем тут ни при чем.

Он говорит тихо. Но у меня от его тона бегут мурашки. И эта странная, страшная женщина тушует. Хоть и смотрит с ненавистью на генерала. Но она его уважает, или боится, я не понимаю.

— Твое воспитание, — шипит мать Олега, с грохотом отодвигаясь от стола.— Спасибо за гостеприимство. Мать променять на...

— Мам, прекращай,— наконец подает голос Дмитрий. И мое сердце переполняется благодарностью.— Это их жизнь. Если Олег счастлив, не стоит мешать. И кроме того, у меня теперь есть сестренка. Красивая сестренка. Молодец, Олечек. Я даже завидую, такую кралоу отхватил. Лира, я рад, что ты станешь частью моей семьи.

Я смотрю, как уходит Галина. Прямая, словно палка. Идет медленно, с грацией королевы. И меня царапает слово «завидую», но гоню неприятные мысли. И так страшно. И тошнит. Едкая тошнота буквально скручивает мой желудок в узел.

— Пока, сестренка. Маман, оседлала любимую метлу, не могу ее оставить в состоянии захлебывания ядом,— губы Дмитрия касаются моего запястья. Его дыхание обжигает кожу.— Не обращай внимания, она остынет и ей будет очень стыдно. Ты очень красивая. Знаешь, если мой брат тебя обидит, я надеру ему зад. И еще, сестренка, я рядом, если что.

– Ты слишком много времени отнял у меня и моей будущей жены,– улыбка Олега ненастоящая. Дмитрий щурится, глядя в глаза моего жениха. И мне неприятно.

– Прости, брат. И будьте счастливы,– расцветает кареглазый, наконец выпустив мои пальцы из своей ладони.

И я наконец могу дышать. Легко. Мне снова легко и хорошо. Прижимаюсь к Олегу, моему любимому.

Болмосов... Черт подери. Воспоминания вытягивают из меня остатки равновесия. Падаю лицом на стол, заляпанный противным льдом. Он меня предал. Все повторяется, идет по спирали. И мой спаситель стал тоже предателем. И я не знаю, как дальше жить. А еще, очень хочу чипсов и варенья. Крыжовенного варенья, кисленького.

– Лира, я не сказала, потому что... – шепчет Буська.– Лир. Болмосов в городе. Котька звонила, он на вечер встречи приходил.

– Не надо. Я знаю, ты хотела меня оградить,– улыбаюсь через силу, хотя хочу рвать и метать.– И знаешь, мне совсем, абсолютно это неинтересно.

Я лгу. Сердце предательски пропускает целую серию ударов. И Подруга видит мое вранье. Губы поджала.

– Ты же не наделаешь глупостей?

– Для начала я схожу в магазин,– вздыхаю я, – за чипсами со вкусом соленых огурцов, хреном и вареньем. Глупости пока не в приоритете. У меня есть теперь ради кого жить.

Глава 4

Хрен с вареньем

Холод сразу же проник под тонкое пальто, в кармане которого требовательно зазвонил мобильный. Я посмотрела на дисплей телефона, лелея желание не отвечать. Но, если долго бежать от проблемы, она разрастется до катастрофических масштабов. Это вам скажет любой психолог, даже такой «недо» как я, не проработавшая ни дня по специальности. Сидела дома, клушей, растворившись в муже. Даже быт вела приходящая домработница. Жила как в вакууме, пока мой Димка, мой муж... Пока он... Трахал на столе в кабинете свою Лиску.

– Да,– выдохнула в телефон, вместе с облачком пара короткое слово.

– Манда. Какого хрена ты творишь? – без предисловий. Моя свекровь в своем репертуаре. Властная, в голосе тонна льда. Глыба, размером с айсберг, погубивший Титаник,– Прекращай дурить. Взяла ноги в руки и марш домой. Мой сын не должен нервничать из-за твоей глупой незрелости.

– Ваш сын мне изменил,– говорю, вроде ровно. Но голос все равно предательски дрожит.– Считаете это нормальным?

– Большое дело. Девочка, мужики изменяют, к этому надо быть готовой. Они все ходоки. И папенька моего старшего сына, генерал, а шлындал по бабам только в путь. Куда член,

туда и ноги. Это природа. От осинки не родятся апельсинки. И если при первом походе налево все будут разводиться, институт брака вымрет к чертовой бабушке,— злится. Я слышу, знаю эту женщину. И знаю ее отношение ко мне. А еще я точно уверена...

– У него там дочь. И вы в курсе. Я ведь права?

– Нормальное желание здорового самца – продолжение рода. Здорового. Лира. Да, естественно я в курсе. И вела беременность той женщины. Моя внучка родилась под моим чутким руководством. Ты же не можешь иметь детей. И виноват в этом не Дмитрий. Или ты забыла, Лира? Нельзя забывать добро. А ты неблагодарная.

Не забыла. Помню диагноз поставленный мне свекровью. Как клеймо выжгла. Помню, как Димка приволок меня на руках в ее кабинет. Помню боль адскую. Это невозможно вычеркнуть из памяти. Она ведь не меня тогда спасала.

Лира. Надо же. Обычно Галина Степановна ко мне по имени не обращается. Как же хорошо, что я проявила самовольство и выбрала другого врача. Лечилась в тайне от всех. Мечтала. Надеялась.

– Домой, быстро,— летит мне в ухо приказ «любящей» свекрови.— Ублажи мужа, чтоб у него на потаскух сил не оставалось, вымоли прощение и не дури.

– Эта потаскуха – мать вашей внучки. И...Нет, не вернусь, – хриплю, с трудом сдерживая плач, сжавший мои связки.-Не могу простить. Не хочу.

– Дура, блядь, неблагодарная. Посмотрим, как ты проживешь без... – не слушаю больше. Давлю на кнопку отбоя, борясь с желанием просто грохнуть об подмерзший асфальт дорогой аппарат, который мне подарил Димка на годовщину нашей с ним свадьбы.

Еще пару минут пытаюсь выровнять дыхание. Тошнит страшно. Хочется пить, а еще бежать сломя голову куда угодно, лишь бы подальше от кошмара.

– Вам плохо? – участливый женский голос заставляет вздрогнуть, и удавка стягивающая горло лопается, прорывает сдерживаемые слезы.

– Нет. Все хорошо. Просто не могу магазин найти. А я хочу варенья и хрена, – зачем-то вываливаю я на случайную прохожую тонну дурацкой информации.

– За углом магазин, – косится на меня добрая самаритянка, наверняка рассуждает, не вызвать ли психиатрическую неотложку. – Может проводить вас?

– Не нужно. Я сама. Я учусь справляться со всем сама.

Магазин маленький, небогатый. Товары расставлены на полках неподвластно никакой логике. Но мне нравится. И запах дерева и хлеба очень замечательный. А вот Димка бы и порог такого не переступил. У него все должно быть шикарным, должно соответствовать его статусу. И я была таким вот приложением. Клялся мне, что я самая красивая на свете. А я таяла. И верила. Дура. А он... Любовницу тоже, наверное, подбирал чтоб критериям соответствовала. Сердце

снова начинает плясать, наверное гормоны все таки влияют на его работу. Противное предательское сердце.

– А варенье есть у вас в продаже? – спрашиваю у скучающей продавщицы, играющей в какую-то увлекательную игру на телефоне. Даже звук выключить не потрудилась. Но мне от чего-то очень уютно тут, в этой крошечной лавчонке. И чипсы в хрусткой упаковке, найденные мной на деревянной тесной полке, греют душу и дразнят разгулявшийся аппетит.

– Варенье надо дома варить, – оторвавшись от игры улыбается женщина. Она молодая еще, но какая-то усталая. – Закупка дорогая. Не предлагаем.

– А хрен? – сглотнув слюну, выпаливаю я.

– А хрен у меня дома на диване валяется. Ленивый безработный хрен, – хохочет женщина. И я тоже раздражаюсь смехом. Напряжение вырывается из меня приступами хохота.

– Платить будешь как? – отсмеявшись спрашивает продавщица.

– В смысле? – глупо спрашиваю, захлебнувшись на последней ноте хихиканья.

– Господи, не чеканной же монетой. Картой или наличкой?

– Картой, – отвечаю, пытаюсь вспомнить, сколько у меня в кошельке лежит купюр. Рублей пятьсот, вроде. – Да, картой.

Женщина подает мне терминал, как раз в тот момент, когда я раздираю упаковку и кидаю в рот первую, самую вкусную чипсину. Взрыв вкуса. Гадость, конечно. Но сейчас я го-

това набить рот, как маленькая девочка, чтобы насладиться в полной мере удовольствием от вредной вкусняшки.

– Отказано, – хмурится продавщица.

– Не может быть. На этой карте всегда есть деньги. Давайте другую попробуем, – достаю из кошелька пластиковую кредитку, которой пользуюсь очень редко. С нее я обычно плачу зарплату горничной и Димкиному шоферу.

– Отказано, – спустя минуту ожидания бурчит женщина. – Девочка, карты у тебя заблокированы.

– Что? Но...

Нет, я не плачу. Я просто растеряна и растоптана. А глаза все же наливаются предательскими слезами.

– У меня только пятьсот рублей есть. Хватит?

– Угощаю. Дряни не жаль. Слушай, что произошло то у тебя? – вдруг по-человечески спрашивает продавщица. И я выкладываю все, что у меня на душе совершенно незнакомому человеку. И боль моя выливается наружу потоком, вместе со слезами и истеричным каким-то хихиканьем.

– Вот козел. Ничего, бумеранг он мимо еще не пролетал, справедливая штука, – хмурится Зоя, так оказывается, зовут мою случайную спасительницу. – Тут стой.

Она исчезает в подсобке из которой появляется спустя минуту. Мне в руку ложится маленькая баночка.

– Что это? – спрашиваю я.

– Варенье. Сама варила. К чаю взяла сегодня. Как знала.

– А из чего оно?

– Из кабачка.

– Из кабачка? – господи, слюной бы не захлебнуться.

– Не бойся. Вкусно, попробуй. И это, помощь нужна будет, приходи. У меня сестра сейчас как раз ищет администратора в свой ресторан. Я не подхожу. Мордой не вышла. Там надо «визиткой» светить и зубами белыми. А ты в самый раз сойдешь. И запомни, выхода только из гроба нет.

Из магазина я выпадаю прижав к груди банку с вареньем, полупустой пакет с чипсами и в полной уверенности, что мне придется учиться жить по-новому.

– Я не вернусь,– шепчу, подняв голову к тяжелому, набрякшему небу.

Глава 5

Синенькая юбочка

Олег замер возле знакомой калитки, размышляя стоит ли переступить порог прошлого, в которое возвращаться совсем не хотелось. Дом обветшал. Уже не выглядел величественно как тогда, когда он его покинул. Думал, что навсегда. Думал...

– Анчар, что ты там разорался, мерзавец? – Болмосов вздрогнул. Голос отца звучал надтреснуто, но без злости и присущей ему властности. Может развернуться и уйти. Это так просто. Нет. Он толкнул дверь и вошел во двор. Ему под ноги, захлебываясь лаем, бросился пес отца. – Подонок, а подо...

Олег вздрогнул. Слово сказанное генералом резануло похлеще удара.

Отец появился на крыльце дома, с миской в руках, запнулся на полуслове. Постарел. Плечи, всегда расправленные, опустились. Он здорово изменился за шесть лет. Нет. Не обрюзг, видно. Что еще крепкий. Но фигура отца, всегда монументальная, от чего-то вызвала в Олеге странную жалость.

– Здравствуй, пап, – черт, как много времени они потерял. Отец был для Олега всегда идиолом, чуть ли не богом. Он его воспитал, не отказался принять, когда мать решила строить

свою новою жизнь. Забрал из интерната, куда любящая родительница сдала семилетнего мальчишку. А потом... Выгнал. Просто указал на дверь, в тот самый момент, когда ему так нужна была отцова поддержка. Не понял. Или не захотел. Просто не поверил. И из-за кого? Из-за чужой девчонки-предательницы. Черт. При мысли о Лире дернулась щека, а сердце в груди сжало, чловно клещами.— Впустишь?

— А как не впустить то? — горько усмехнулся отец.— Коль целый спаситель города к нам пожаловал. Мессия. Сам Олег Федорыч... Видели, видели, как ты по ящику то соловьем разливался. Только ни слову не поверили. Гнилой ты. Или, что, Олежек, грехи приехал замаливать? Так это ты зря. Я уже часть отбил, ваших с Любкой пороков то. И перед богом, и перед совестью своей теперь почти чист. Еще немного осталось. А ты можешь гордиться своими достижениями. Олигарх, слуга народа. Только ты, для меня ты остался...

Он помнил, как его называл отец, прежде чем вымарать из своей жизни. Поморщился, сдержал рык рвущийся из горла.

— Пап, я не ругаться приехал. Мне просто нужно объяснить. Чтобы ты меня услышал. Мне нужно...

— Уж не мое прощение то, точно. Что тебе с него? Да и ни к чему, уже немного осталось. Рак у меня. Последняя стадия. Неоперабельная. Три-четыре месяца и я свободен. Анчарку только жалко. Выкинут ведь на улицу.

Олегу показалось, что его ударили под дых. С такой силой, что он на ногах едва устоял.

– Не выкинут, – прохрипел он. – Я тебе обещаю.

– Грош цена твоим обещаниям. Ты и девочке той обещал, что она будет счастливой. И жизнь внука моего нерожденно-го на твоих руках, или чем ты там жену мою естествовал? Сучонок ты, сынуля. Пошел на хер отсюда.

– Отец, ты ведь сам не веришь своим словам. Ты же знаешь, что меня просто подставили. И Любу тоже. Она ремонт мне помогала делать в той квартире гребаной, что ты нам с Лиркой на свадьбу подарил. Блядь, когда ты наконец поймешь, старый упрямый осел...

– Да, девчонка сопливая аферу провернула, чтобы тебя кинуть и с братом твоим снюхаться. Зачем только, не ясно. Она то с этого ничего не поимела. И ребенка она потеряла ради того, чтобы нагадить, на всю жизнь себя оставила бесплодной, только для этого. Ну ты и сука, Олежек. Гены то не задавишь пальцем. Жаль, что ты от матушки взял больше.

Отец тяжело поднялся и медленно подошел к шкафу, открыл створку двери... На Олега уставилось дуло охотничьего ружья, подаренного отцу когда то его коллегами.

– Уходи и не возвращайся.

– Отец...

– Вся партия у Галки гнилая. И братец твой за деньгами приходил снова. Бизнесмен херов, бля. Владелец заводов, газет, пароходов. Говно на палке. Если б не связи мои, давно бы по миру пошел.

– Так зачем помогаешь тогда?

– Тебе не понять. У тебя нет души, сын. Эй...

Олег обернулся уже у входа. Не хотел, но душа предательница заставила.

– Анчара заберешь, если в тебе хоть толика совести осталась. Хороший пес, один он у меня остался. И завещание мое выполнишь, нет буду призраком являться к тебе, не дам покоя. Копия в сейфе лежит, основной документ у нотариуса, адрес душеприказчика найдешь в документах в шкафу. Я там подготовил все, в гроб меня в мундире положи.

– Пап. Послушай, давай ко врачам поедем. Ты ведь запустил себя. Отец, пожалуйста.

– А зачем? Денег на лекарей у меня у самого, как у дурака фантиков. Зачем пытаться возратить то, что даже мне самому не нужно. Похоронишь меня рядом с родителями, и на том спасибо. А теперь пока, надоело мне разговоры разговаривать. Привык я один. И знаешь, понял, что жизнь то я правильную прожил.

– Отец...

– Она несчастна, сын. Живет в клетке, Димка пользуется ее благодарностью, как может.

– Она его любит, – прохрипел Олег. – А он ее. Они семья. Два сапога пара. Как там – муж да жена, одна сатана.

– Удавы тоже любят пушистых кроликов. Лира жертва, сын, – хмыкнул отец. – Иди. И поступай. Как тебе велит твоя совесть. Бог тебе судья.

– Я еще приеду.

– Приедешь. Скоро приедешь,– ухмыльнулся генерал.

Болмосов не помнил, как дошел до машины. В ушах шумело, голова кружилась. Жертва? Жертва. Сумевшая разрушить его до тла. Не оставила камня на камне от Олега Болмосова. Он долгие годы собирал себя воедино. И так и не смог этого сделать. И город этот чертов он ненавидел. И ни за что не вернулся бы сюда, если бы... Черт, черт, черт. Олег с силой ударил по рулю ладонями, уперся в него лбом, задыхаясь от яростного бессилия. Он так и не смог забыть... Так и не сумел.

Глава 6

Блюдечко с голубой каемочкой

Из зеркала на меня смотрит незнакомка. И дело не в заострившихся скулах и ввалившихся глазах. Нет. Я стала просто другой. И костюм этот, принадлежащий миниатюрной Буське, болтается на мне сейчас, как саван мертвеца. Хотя, всего неделю назад я бы даже не влезла в деловой приталенный пиджак и юбку карандаш.

– Лир, может не надо. Ну проживем какнибудь. Тебе надо моего крестника беречь, а не работать целыми днями на ногах. Я нормально зарабатываю... – хмурится моя подруга. Не одобряет моего решения. Да и мне самой страшно. Я ведь в своей жизни и дня не проработала. Поэтому, чуть заставила себя позвонить сестре доброй Зои из магазина. И очень удивилась, что она ждала моего звонка.

– Буся, может ты мне еще предложишь за тебя замуж выйти? – хмурюсь я, и не могу сдержать смеха, глядя на наливающуюся краснотой физиономию подруги. Она страшно не толерантна к подобного рода высказываниям. – Слушай, я все решила, – говорю уже серьезно. – Надо учиться жить самостоятельно. Мой малыш не будет ни в чем нуждаться. Я сделаю все для этого, даже если придется мир свернуть с оси, как тому белому трущемуся медведю.

– Надо зубы отращивать, Лира. Такие, знаешь, клычары,

с которых будет капать кровь врага, когда ты его уделаешь. Зря ты мне не позволила оторвать яйца этому гиббону похотливому, – кривится мой ангел хранитель. Она меня всегда защищала ото всех, хотя сама похожа на маленькую боевую мышку. С первого курса института взяла надо мной шефство, и до сих пор оберегает.

– Чем, половником? – улыбаюсь, хотя мне и неприятно. А внутри, где-то в груди, еще и больно. Но больше я плакать не буду. Мой малыш родится у счастливой мамы. А я стану счастливой, всем на зло. – Очень страшное орудие в твоих руках.

– Половник хорош, да. Но... Ты ведь имеешь право на половину всего, что вы в браке нажили. Ты же не такая дура, чтобы этой блядежке все преподнести на блюдечке с голубой каемочкой? Или такая? – щурится Буська и, кажется, снова собирается вооружиться половником.

– Не такая. Но для того, чтобы быть не дурой, надо найти хорошего адвоката. А ему надо платить. За бусинки и фантики работать не будет ни один уважающий себя юрист. Так что не убивай меня, пожалуйста, своей поварешкой, пока я не заработаю денежек и не размотаю этого блудника.

– Будь осторожна, – выдыхает подруга. Я знаю. она меня сейчас перекрестит в спину, а потом еще плюнет на пол, когда я уйду. – Ндо же. Не козла, не ублюдка, не хрена вонючего. Блудникаааа.

– Буду, – обещаю я, обняв ее за костлявые плечи. Но мне

ужасно страшно, и в душе зреет какое-то предчувствие. Но не говорить же об этом Буське, которая и так вся на нервах, даже больше чем я. – Я обязательно буду осторожной, умной и послушной.

– Не надо послушной, – шепчет она. – Хватит уже. Ты будь просто сильной.

Ресторан, в котором мне предстоит работать, слишком пафосный. Я даже тушуюсь. Застываю на пороге в нерешительности. Оглядываюсь по сторонам, поражаясь скромной выдержанности интерьера. Про такое говорят «Давит роскошью». Хотя ничего вычурного и нет вроде, но видно, что все очень дорого.

– Вы Лира? – словно из-под земли вырастает передо мной холеная маленькая женщина. Смотрит строго, но мне от чего-то совсем сейчас не страшно.

– Да, Лира Соломатина... Валерьевна, – спохватываюсь и краснею. Господи. Наверное, я выгляжу сейчас как дурочка, приехавшая из села покорять мегаполис.

– Не надо нервничать. Знаете, это заведение непростое. Даже не ресторан, скорее клуб для людей, которым не нужна огласка. Вы понимаете о чем я? Наши клиенты очень непростые люди, и от персонала мы требуем полной, абсолютной конфиденциальности.

– Я понимаю. Точнее... Не понимаю, это же не... Короче, если придется оказывать услуги, противоречащие моим убеждениям...

– Лира, – улыбка очень преображает мою собеседницу, – боже, о чем вы думаете? У нас приличное заведение. Я просто обозначу вам сейчас круг ваших обязанностей, и если вас все устроит, подпишем договор. Знаете, если бы мне Зоя не описала вашу проблему, я бы и разговаривать не стала с женщиной с улицы. Мы проверяем наших работников досконально. Но, я тоже была в подобной ситуации... Я понимаю, что работать вы сможете еще месяцев пять?

Она вдруг спохватывается и снова становится неприступной льдинкой. И слава богу, потому что я чувствую, что не в силах продолжать разговор о моих проблемах.

– В ваши обязанности входит прием гостей, размещение, бронирование столов и поддержание чистоты в холе и подсобном помещении. Мы не допускаем сюда уборщиц. Холл – лицо нашего ресторана. Работать будете с напарницей, делить обязанности по договоренности. Вас устраивают такие условия?

– Да, – говорю я, рассматривая цифру, написанную от руки на клочке дорогой бумаги. Раньше такую сумму я тратила за неделю, Димка никогда не жадничал. Но, наверное, это неплохая зарплата. Наверное.

– Да, – киваю я.

– Тогда сейчас подпишем бумаги и можете приступать. Меня зовут Амалия. Надеюсь, что мы с вами сработаемся. Сегодня у нас ресторан забронирован на весь вечер. Так что будет возможность поучиться у вашей напарницы. Даша все

покажет, расскажет. И еще. Наши клиенты лакомые кусочки, Лира. Они богаты, известны и падки на хорошеньких женщин. Связи работников с клиентами абсолютно запрещены. Увольнение незамедлительно.

– За это можете не переживать, – вымученно улыбаюсь я.

Спустя час я погружаюсь в неизвестные мне доселе хлопоты. И мне они нравятся. Отличная терапия, помогающая выйти из состояния депрессии.

– Сегодня у нас спецобслуживание, – рассказывает мне Даша, активно драя стойку нашей с ней рецепции. – Какой-то бобр прибыл из столицы. Обычно, после таких мероприятий, чаевые бомбические. Так что, подруга, сегодня мы в шоколаде будем и неломаные. Банкет всего на пятерых. Да не переживай, все нормально будет.

– Я не переживаю, – вру я, вымученно улыбнувшись. Надо же, а я устала. Руки ноют, спина гудит. А ноги... Ноги начинают трястись, когда я вижу сквозь витражное стекло первого гостя, выбирающегося из шикарного лимузина.

– О, начинают прибывать. А красавчик этот богатей. Давай, Лира. Первый клиент – как первая любовь, – тихо смеется напарница.

Глава 7

Что-то, с чем-то

«А разве можно так любить?»

Так говорил он – человек, неумолимо шагающий ко входу ресторана. И каждый его шаг кажется мне приближением к пропасти. Моим восходом на персональную голгофу. Изменился. Короткий ежик смоляных волос сменился прядями с проседью, зачесанными назад. И лицо... Оно словно закаменило. А шрам на щеке остался. Глубокий как напоминание... Напоминание о... Нет, только не туда. Господи, пожалуйста.

– Ты моя вселенная. До сумасшествия.

А я верила. Всей душой. Всем сердцем. Дышать не могла от счастья. Дура, боже какая идиотка.

«А разве можно так любить?»

Шептала я, тая в его руках. Млела. А теперь. Теперь мне хочется упасть на карачки и заползти в какой-нибудь угол. Забиться, спрятаться. Я даже забыла о муже, без которого живу, словно во сне. Странность, непозволительная глупость. Димка же смог меня спасти. Смог. И я его люблю. Да, все еще люблю. Или ... Я совсем запуталась.

Два брата – два предателя. Смешно. Да только вот не смеется.

– Даш, пожалуйста. Я не могу, – стону я, наблюдая как приближается шаг за шагом мой кошмар. – Давай я подсобку

вычищу. И туалет.

– Слушай, это не так страшно. Такие же люди...– улыбается моя напарница, но натолкнувшись на мой взгляд спотыкается на полуслове.– Подожди. Ты что его знаешь? – щурится подозрительно. Да уж, недолго я проработала в этом месте. Похоже пулей вылечу, даже первого дня не доработав.– Эй, Лира, тебе плохо?

Мне плохо. У меня паническая атака. Раз-два-три. Низ живота ноет. Нельзя. Мне нельзя проваливаться в прошлое. Я должна беречь чудо, растущее у меня под сердцем. В этот раз никому не отдам. Ни за что

– Ладно, расскажешь потом. Вали давай в подсобку. Черт. Малька меня убьет,– шепчет Дарья. Как же я ей благодарна.– Лира, цыгель.

Мне не нужно напоминать. Белкой мечусь к маленькой двери, спрятанной за дорогой ширмой. Только в темноте крошечного помещения, могу дышать. Но так ведь не бывает. Словно сам дьявол сталкивает меня с давним кошмаром. И я снова беременна. Но в этот раз...

– Ты только мой. Никому не отдам,– шепчу я мантру, положив руку на еще плоский живот.

Руки отдельно от разума действуют. Маленькая кладовка блеснуть уже начинает, когда я наконец то осознаю, что небо на землю не рухнуло.

– Эй, куколка,– тихий шепот Дарьи наконец выдергивает меня в реальность.– Я сказала Мальке, что попросила тебя

еще тубзик почистить. Мол, у меня экзема началась дисгидратическая. Ну, извини, она спросила. И не очень довольная была. Но...

– Спасибо тебе, – шепчу. Борясь с желанием обнять мою новую знакомую. Но руки у меня все в препарате, воняющем хлоркой за версту. – Я отработаю, как только попросишь. Всегда, когда тебе надо будет.

– Иди уж, горе. Этот твой плотно с нашим мэром засел. Документы какие-то разложили. Успеешь проскочить. А он красавчик, вообще-то. И мужик, сразу видно. Руки такие... Ух. Пальцы длинные. Как там говорят в народе? «Маленькие руки – маленькие брюки». Так это не про бобра. У него руки как кофши эскаваторные. В штанах поди ракета земля-воздух.

– Он красавчик, – хриплю я. – И подонок.

– После расскажешь. Расскажешь ведь? Амалии не попадись смотри. Она не в духах сегодня. И это «сматры нэ пэрепутай», дамский тубзик справа в конце коридора. Не слева, запомни. А то нам бошки поотрывают. Мужикам сортиры Палыч чистит. Палыч – наш охранник. В туалеты уборщиц не допускают, вдруг увидят чего. Ну, ты понимаешь. Пороки то у мешков с деньгами разные. Но я тебе не рассказывала...

– Спасибо, – клюю в щеку зардевшуюся напарницу. Окажется вокруг полно хороших людей. А Димка говорил, что все вокруг враги и только и думают, как всадит в спину нож. А всадил он. Так больно, что до сих пор не вдохнуть.

Туалет не сразу нахожу. Он и так сияет, словно кабина космического корабля. Натягиваю резиновые перчатки, дурацкого розового цвета. Осталось только выкрикнуть «Включ на старт» и улететь к черту с этой планеты. И видно разум то мой совсем расплылся из-за гормонов. Потому что ну не может в дамской комнате быть писсуаров, за чистку которых я бездумно принимаюсь. Идиотка, что возьмешь.

– Простите, я позже найду, – голос за моей спиной. Такой знакомый. О, боже. Я не хочу поворачиваться. Ноги словно к полу приросли. Горло пересохло так, будто из меня всю жидкость высосали, капля за каплей. Этот голос я узнаю из миллионов, хотя прошло чертовски много времени. Это голос предателя, отнявшего у меня моего ребенка. – Девушка, все хорошо? Эй... Я сейчас позову когонибудь из персонала.

– Не нужно, – хриплю, оседая на пол. Земля из-под ног просто убегает. Гормоны, такие гормоны. Дурно так, что кажется я сейчас просто загнусь. – Меня уволят.

– Черт, – рычит Болмосов, легко подхватив меня под мышки со спины, не позволяет свалиться на пол. – Помогите. Тут девушке плохо.

– Не надо, все в порядке. Я сейчас уйду, – откуда только силы берутся? Я даже пытаюсь вырваться из захвата таких знакомых рук. Но куда там, он так просто не выпускает ни жертвы, ни тех кого хочет спасти.

– Зайчик хочет свою лисичку?

Дмитрий с отвращением посмотрел на идеальное, как у выставочной суки, женское тело, прикрытое лишь куском тонкого алого шифона. Если бы не ребенок, который в общем-то был им обоим обузой, он давно вышиб бы эту проклятую ведьму из своей жизни. И проблем сейчас было бы гораздо меньше.

– Где моя дочь? – приподнял он бровь, глядя, как Лиска облизывая искусственные губы, опускается перед ним на колени.

– У моей мамы. Зайчик, ей там хорошо, – прошептала Алиска, впившись ногтями в резинку его пижамных штанов. Потянула их вниз, нетерпеливо подрагивая плечами. Черт бы ее подрал. – А нам с тобой хорошо тут. Правда? Ну зачем нам слушать рев младенца? Мы с тобой сейчас займемся более интересными вещами. Эй, заяц, сейчас лисичка съест тебя. Начнет отсюда, с морковки сладкой, – прошептала Алиска, спускаясь губами по животу любовника.

Он ее не хотел. Мысли все были далеко. Не в этой комнате. И думал он совсем не об этой продажной шлюхе, секс с которой уже начал ему набивать оскомину. Ему было страшно. Вся налаженная жизнь влетит в тартарары. Он скоро останется с голой жопой. И все из-за поганки, сбежавшей из дома. Он ее из грязи вытянул, а теперь... Блядь. Мать еще весь мозг выела. Сука, он даже примерно сейчас не представлял, что делать.

Телефон снова зазвонил. В пятый раз за последний час.

Дмитрий откинул трубку от себя, как ядовитую змею. Но отключить аппарат не решился.

– Отвали,– рявкнул он, оттолкнул опешившую от грубости Алису. От неожиданности она свалилась на задницу, раскинула стройные ноги, но у него в штанах ничего не дрогнуло от этой восхитительной картинке.– Лиса, пошла ты в жопу. Поезжай к дочери. Херовая из тебя мать. Ты на черта рожала ребенка? Ну да, ты же самостоятельная. Сама все решила, так жри теперь полной ложкой. Чтобы меня к себе привязать мало ребенка. Ты просчиталась. Ты мне на хуй не нужна, дорогая Лиса. Пошла вон

– А кто нужен? Эта курица бесплодная? А вот ты ей не впился никуда, раз она так быстро тебя променяла на ...

– Заткнись, тварь,– рука действует отдельно от разума. Боль в костяшках слегка отрезвляет. Легкое женское тело отлетает к стене, ударяется в нее глухо и ... Слишком тихо. Лиска молчит, так страшно, что горло спирает. Чертова баба. Чертова мерзкая сука.

Глава 8

Из огня в полымя

Это она. И даже сквозь вонь хлорки, он почувствовал ее притягательный запах. Олегу показалось, что в центр груди медленно вошел острый как бритва кинжал, когда он прижал к себе легкое, почти невесомое женское тело. Слеп от жалящих воспоминаний. С трудом поборол себя, чтобы не зарыться носом в растрепанные золотые локоны, как тогда, в тот день когда она его предала. Когда... Чертов золотистый завиток заправленный за маленькое ухо. Снова вдохнул, в надежде выровнять дыхание. Дурак. Еще больше загнал себя в угол.

– Пусти,– дернулась в его руках сладкая предательница.– Поставь меня на пол и уходи.

Глаза полные ярости, похожи на два драгоценных кристалла, буквально полоснули взглядом по душе. Она его ненавидит, а он ее. Это единственная истина. Не может быть в воздухе стерильного ресторанного туалета другой химии, чем испарения хлора. Невозможно.

– Какого хрена ты ту делаешь? – смог выдавить он, скривившись в подобии улыбки. Совсем не изменилась. Только исхудала, просто высохла. И уголки губ чуть опустились. Будто от скорби.– Неужели Соломатин не может обеспечить свою любимую жену в соответствии со своим статусом? Как

смотрит Дима, на то, что его супруга отирается по мужским сортирам? Или это у вас такие игры? Да, мой братец всегда отличался изощренностью придумок. Ну, да, тебе ли не знать. Вы же с ним одинаковые. Затейники.

– Тебя это не касается, Болмосов, – снова этот взгляд. Душу выкручивает, как рваную тряпку. Тонкие руки в розовых перчатках, теребящие полу дешевого пиджачка, совсем ей не подходящего, смотрятся фантасмагорично. Боже, сколько раз он представлял эту встречу, но даже подумать не мог, что она произойдет настолько скоро. И он все еще держит ее в своих руках, будто время вокруг остановилось. Замерло, вместе с сердцем. – Пожалуйста. Уходи. Меня уволят. Нам нельзя общаться с клиентами. А эта работа мне нужна.

Ее голос звучит твердо. Черт, черт, черт. Этого не должно быть. Он не должен сходить сейчас с ума, глядя на жену брата. У него другая жизнь. В которой больше нет места сомнениям и воспоминаниям о прошлом.

– Тебе же плохо.

– Просто надышалась химии. Просто...

Все сложно. Так сложно, что кажется небеса вот-вот разверзнутся.

– Спасибо, – легкий выдох. Она чуть стоит на ногах. Олег дернулся к Лире, когда она пошатнулась. Скользнул рукой по талии, поразившись тому, насколько она тонкая. Ее пальцы уперлись в его грудь, и... Он потерял остатки разума. Вдавил ее в кафельную белоснежную стену. Впился пальцами в бед-

ра, наслаждаясь своей силой и властью над этой крошечной предательницей. Над своим падшим ангелом. Хотя, это ведь обманчивое превосходство. Это она держит его на коротком поводке, как непослушного раба. Сука, как все сложно.

– Пусти, пусти меня. Боже... Ты, ты... Подонок. Я все еще замужем за твоим братом. Ненавижу тебя. Ненавижу. Ненавижу, – выдохнула Лира в его губы. И показалось, что мир перевернулся с ног на голову. Черт, на кой хер он приперся в этот город, зачем вернулся туда, откуда бежал так долго? Снова окунулся в это дерьмо, из которого чуть выплыл.

Она задергалась, словно птица, попавшая в силки, распалая все инстинкты. Самые темные его инстинкты, запрятанные глубоко-глубоко.

– Ненавижу, – прошептала Лира, когда он наконец смог совладать с собой. – Ты все такой же подонок, даже хуже. Еще и насильником стал. Я презираю тебя.

Каждое слов как выстрел. Каждый взгляд, словно взрыв, способный распылить на молекулы. Сердце уже не стучит. Оно пробивает ребра, не позволяет очнуться от морока. Он не может ненавидеть ее.

– Наши чувства взаимны, детка. Насиловать тебя? Окстись. Ты же сама отдашься любому, кто предложит тебе чуть больше. Ты же проворачивала уже такое, помнишь? Не обольщайся, я не из таких дураков. Привет передавай Дима-сику. Вы прекрасная пара, херов бизнесмен и туалетная фея. Звания как раз для ваших подлых душонок.

Да, Олег испугался. Струсил. Да, сейчас он хотел лишь одного, сбежать, вырваться из оков, полного ненависти и презрения, взгляда этой женщины. Чужой женщины. Суки, разрушившей всех, кому не посчастливилось с ней столкнуться. Гадины, которая просто укусила руку, протянутую ей. Лира, мать ее. Его – чужая Лира.

– Наших? – на кончиках ее ресниц повисают две крошечные слезинки. – Да, в этом ты весь, Болмосов. Тебе проще обвинить в своей дьяволиаде тех, кто тебя любил до безумия. В чужом глазу соринку легче увидеть. Уходи и никогда. Слышишь. Никогда не приближайся ко мне. Никогда.

– Не переживай за это. Я не люблю женщина, пахнущих хлоркой и предательством.

Олег медленно пошел к двери, считая про себя шаги. Как и тогда, когда тот Олег Болмосов переродился. Он так же считал чертовы шаги, уходя из родного дома. Думал, что навсегда. И как в тот день, когда его душа сдохла в муках в чертовой квартире, в которой он должен был быть счастлив со своей будущей женой. Помнил тот день до минуты, до миллисекунды. Хотя нет, не весь день. До того самого момента, когда рухнула его жизнь.

Он даже не потрудился предупредить пригласившего его в эту жральню мэра. Просто ушел, забыв пальто в гардеробе пафосного ресторана. Наплевал на репутацию и хорошие манеры. Просто сбежал. Сердце вещун гнало его туда, где все начиналось. В дом отца. Ему не за что было просить у стари-

ка прощения. Но сейчас, как никогда он хотел его поддержи-
ки.

Глава 9

Рука-лицо

– Выглядишь так, будто тебя черти жарили на сковороде, – Дарья смотрит прищурившись, на мою помятую одежду. И я чувствую волну приливающей к щекам крови. Мне стыдно? Да. Стыдно за то, в чем моей вины нет. Мне стыдно за реакцию моего организма на прикосновения Олега. На возбуждение, которое до сих пор извивается ядовитой змеей в моем предающем теле. Да, черт меня возьми, меня предает собственное тело, как в дешевом бульварном романе. Стыдно за то, что мои соски сейчас, кажется прорвут не только тонкую ткань блузы, но и плотный «хбшный» бюстгальтер. А в голове звучит кузнечный молот.

«Это все гормоны. Просто гормоны. Нельзя хотеть того, кого ненавидишь»

Мантра, которую я шепчу, убеждая себя в том, что я не сошла с ума.

– Черти милашки, в сравнении с некоторыми представителями рода человеческого, – вымучиваю улыбку. – Спасибо тебе, Даш.

– Э, нет. Спасибом не отделаешься. У нас как раз сейчас кофе-тайм. Я хочу знать подробности. Зря что ли я тут как уж на сковородке вертелась? И этот, бобр. Выскочил, будто ему соли на хвост насыпали. Пальто даже забыл. Глаза

безумные, прическа дыбом. Ну чисто Мефистофель. Но, хорош, конечно. Конфетка, а не мужик. Я бы облизала. Хотя, конечно, с чаевыми мы с тобой пролетели, аки "фанэра над славным городом Парижем"

– Боже, Даша, – хриплю я, борясь со рвущимся из горла дурацким хихиканьем. Но зато хоть напряжение начинает отпускать, и слабость накатывает волнами.

– Ну, слава богу. А то я уж думала ты сейчас тут начнешь в обмороки падать, – смеется моя коллега. – Скот, да? Вот почему все охеренные дядьки такие суки?

– Он не скот, Даша. Когда-то я чуть не вышла за него замуж.

– Сбежал?

– Изменил. И знаешь, давай работать. Я не хочу больше разговаривать на эту тему.

– Больно?

– Нет. Мерзко. Словно в помоях вывалялась.

Остаток рабочей смены проходит в хлопотах. Работы много и я рада ей. Есть возможность отвлечься, выпасть из моей ненормальной жизни. К концу дня ноги гудят, спина разгибается с трудом с непривычки. Но, наверное впервые с того дня, я не вспоминаю о той грязи, что увидела в кабинете мужа. И еще, я начинаю осознавать, что совсем не беспомощная.

Домой нас с Дарьей отвозят на служебной машине.

Я ежусь, оказавшись во дворе Буськиного дома. Холодно,

рванные сумерки, словно саваном укутывают облетевшие деревья. Вдыхаю ледяной воздух, и мне кажется, просыпаюсь от долгого сна.

Шаг, второй, третий. Цветы? Алые розы, рассыпанные на промерзшем асфальте, кажутся жалкими и неуместными. Кто – то выкинул цветы. Обидно. Я не очень люблю розы такого цвета. Они кажутся мне слишком пошлыми. Но сейчас мне их жаль. Бездумно собираю цветы, которые еще не успели умереть. Только крайние лепестки, чуть схватились. Иду, как Гензель, собирающий камешки. Поэтому не сразу замечаю Димку. Он выступает из полумрака, словно неумолимость. И когда я наконец его вижу, у меня уже нет пути к отступлению. Хотя, бежать от проблем, конечно же глупо.

– Лира, я соскучился, – его хриплый шепот, словно песком проходит по моей коже. – Ужасно соскучился. Вернись домой, пожалуйста. Мне очень тяжело без тебя.

– Я не люблю такие розы, – горько улыбаюсь я. Мне страшно, но не от того, что он стоит совсем рядом. Нет. Мне страшно, потому что я вдруг осознаю, что ничего не чувствую, кроме пустоты. В груди просто дыра, ну так мне кажется. Выскобленная до девственного состояния. – Дим, ты зачем пришел?

– Я хочу чтобы ты меня поняла. Люди могут ошибаться. Я просто запутался, – его руки ложатся на мои плечи. Вдох-выдох. Нет, не болит. Совсем.

– Я тебя поняла, Дим. Можно я домой пойду? Холодно.

– Ей тоже, наверное холодно,– растерянно говорит мой муж, показывая глазами на дорожную детскую коляску, которую я и не заметила сразу.– Ее зовут Милана. Лира, мы еще можем быть счастливыми?

– Ты издеваешься? Это что, какой-то изощренный сюр? Дима, счастливы? Ты, я, твоя Лисичка и ваша дочь? Прекрасный образец семьи будущего? Ты правда не понимаешь, что меня сейчас просто смешиваешь с грязью? Ты ведь не думаешь обо мне сейчас? Правда?

–Я только о тебе и думаю, с тех самых пор... Лир, я осознал свои ошибки. Ты мне нужна как воздух. Я люблю только тебя. Лиска сука сбежала. Девочку оставила мне. И я ни черта не справляюсь. Слушай, ты же хотела ребенка. Все уши мне прожужжала. Так вот, готовый младенец. Не нужно собирать кучи документов, оббивать пороги учреждений, не нужно искать мать суррогатную. Она есть, и она наверное уже голодная. Лир, она ведь не виновата, что я такой козел. Она просто крошечная малышка, которой нужна мать.

– Ты серьезно? Дим, ты вправду не понимаешь? Я не смогу. Прости. Я буду видеть в ней постоянно твою любовницу. Твое предательство.

– Лир. Ты же помнишь, от чего я ради тебя отказался. Я люблю тебя до безумия. И ты это знаешь. Ты же помнишь... Я так скучаю. Эта дура Лиска наговорила тебе глупостей. А ты поверила. Я бы в жизни не сказал такого про тебя.

– Да, сложно было не поверить, когда видишь как твой

муж трахает чужую бабу, разложив ее на рабочем столе, который я помогала тебе выбирать.

– Людям свойственно ошибаться, Лира. Да, моя дочь родилась, так решила ее мать. И да, я слабо сопротивлялся. Потому что тоже мечтал стать отцом. За это меня грех судить. Лир, ну просто давай попробуем. Посмотри на нее. Она совершенство. И мы можем быть настоящей семьей. Все еще можем.

Нет, только не вестись. Шаг. Не подходить к коляске. Еще шаг. Не смотреть на крохотное личико, в котором уже угадываются черты моего мужа.

Я замираю возле розового детского экипажа, жадно всматриваюсь в кукольную мордашку, обрамленную смешной полосатой шапочкой. Боже. Горло стягивает, дышать нечем. Я чувствую напрягшегося Димку за моей спиной и кажется проваливаюсь в глубины самого страшного ада.

Глава 10

Говорят, что в тихом омуте водятся самые изощренные черти. И этот омут и есть твоя персональная преисподняя.

– Почему ты так назвал свою дочь? – спрашиваю тихо. Чтобы не напугать кроху, которая уже начинает нервничать, судя по недовольному кряхтенью.

– Лиске понравилось имя.

Он врет. Я знаю. Это имя... Так должны были звать мою дочь. Ту, которую я потеряла. Мы с Олегом придумали это имя. Если дочь – Милана. Если сын Федор, в честь генерала.

– Это точно будет Милашка, я уверен. Моя принцесса, – смеялся Олег. Гладил мой живот своей раскаленной рукой, и я думала, что это навсегда.

– А если это мальчик? Ты его меньше ждешь? – замирала я в странном испуге, но тут же таяла, под взглядом любимых глаз.

– Глупышка, вы моя жизнь. Ну родится богатырь, а потом принцесса, – шептал в мой живот предатель.

Только не проваливаться в прошлое. Нужно жить настоящим. Тем более, что это настоящее так настойчиво ломает сейчас створки моей раковины, в которую я так старательно закрываюсь.

– Она и вправду замерзла, – выдыхаю. Вместе с облачком легкого пара. В звенящий от холода воздух. – Дима, вам по-

ра. Ты простудишь малышку. Она и впрямь не виновата в том, что ее отец эгоистичный наглец.

– А ты?

– И мне пора. Как там меня зовет твоя мама? Лирка-простодырка? Хватит, Дим. Это слишком изошренная пытка. Твоя дочь восхитительна. Но она твоя, – каждое мое слово рвет душу, свивается змеями. – Ты зачем пришел? Почему?

– Потому что ты мне нужна. Потому что люблю, – его руки, кажется везде, но эти прикосновения от чего – то кажутся неприятными, болезненными. Лицо Димки, совсем рядом. Надо же, она другой совсем, уставший. Тени залегли под глазами, морщинки появились едва заметные. Но выражение все то же, надменное и глаза... Они смотрят с превосходством. Нет, это не фантазии брошенки, это констатация печального факта. Так не признаются в любви, так привычно лгут. – Лира, детка...

– Не трогай меня, – хриплю я. – Не прикасайся. Мне противно.

– Противно? Ну, что ты, детка. Я всегда делал тебе только хорошо. Ты ведь помнишь? Помнишь. И сейчас вся течешь. Лира, мы с тобой одно целое.

– Да пошел ты, Соломатин. Я больше никогда не позволю никому меня обманывать. – Твоей дочери холодно. Будь ты человеком, хотя бы по отношению к своей крови.

– Я не отпускаю тебя, – шепчет муж.

Его губы находят мои. И он снова плюет на мои чувства

и желания. Целует по-хозяйски, не обращая внимания на то, что я колочу кулаками в его широкую, каменную грудь.

– Лира, ты моя. Только моя. Ты...

Кроха в коляске раздражается яростным плачем. И я хочу бежать, не оглядываясь.

– Нет ее. Лира умерла, – кривлюсь я в горькой улыбке. – Уходи. Девочка голодна. Дима, твой ребенок плачет. Какой ты к черту отец?

– Я не уйду отсюда без тебя. Ты моя по закону. Ты моя жена. И ты мне нужна.

– Уходи, – мне наконец удается вырваться из плена. Воздух проникает в легкие толчками, перед глазами колышется алая пелена. Тошнота становится невыносимой. – Уходи. Какой ты к черту муж? Почему ты не вспоминал об этом факте, когда трахался с любовницей? Странно, да? Приходить домой, касаться меня теми же руками, которыми ты лапал чужую бабу, ложиться со мной в постель, целовать меня губами, которые были черте где. А потом просто принести мне ребенка, на Лира, воспитывай, ты же хотела. Опупительно. Это даже не неуважение, это... Это за гранью. Твоя дочь не котенок, не щенок. А ты. Ты просто...

Пощечина обжигает. Мне кажется, что у меня сейчас оторвется голова. В глазах расцветают алые пятна. От неожиданности я захлебываюсь собственным криком. Замолкаю, схватившись рукой за щеку, горящую огнем.

– Права была мать. Ты сука, не помнящая добра, Лира.

Обычная сумасшедшая зажавшаяся баба, сбежавшая из дома. Я все равно тебя верну. Методов много, детка.

– Пошел вон,– уже рычу я. Мне страшно. Угрозы Димки висают над моей головой, словно меч палача. Я не узнаю мужа, с которым прожила шесть лет.

Его пальцы сжимают мой подбородок, губы снова терзают мои. До боли, до крови. И я не сопротивляюсь больше, нет сил. И плач ребенка становится совсем уж режущим. Бедная девочка.

– Дима, твоей дочери плохо.

– Так успокой ее, ты же женщина. Неужели материнский инстинкт так и не проснулся?

– Нет,– говорю я твердо. Щека Димки дергается. А ведь он уже праздновал сейчас очередную победу над глупой Лирой. Пирову победу. – Твоя мать вела беременность твоей любовницы за моей спиной. Теперь эта малышка ее головная боль. Дима, каждый получает то, чего заслуживает. То, чего хотел. Встретимся в суде, дорогой.

Я ухожу гордо. Хотя со стороны, наверное, похожа на больного артритом кузнечика. Ноги дрожат, во рту даже не пустыня, а просто вакуум, в голове реактивный гул. Главное зайти в подъезд, и там уже можно дать волю своим чувствам. Главное не показать слабинку. Мне кажется, что в моей спине дыра, просверленная злым взглядом разъярённого Димки.

Говорят, в тихом омуте водятся самые изощренные черти. Нет, это неправда. Самые страшные бесы не прячутся.

Они живут в людских пороках и грехах. Страх и гордыня. Я праздную победу, но я не победила. Я боюсь. Угрозы мужа до сих пор звучат в моей голове, словно приговор или неизбежность. А за помощью мне обратиться не к кому.

– Об этом я подумаю завтра,– шепчу я, положив руку на свой живот. Мне есть за кого бороться и кого защищать. А значит, смогу свернуть горы.

Глава 11

Тыковки и яблоньки

Дмитрий налил в хрустальный стакан виски. Голову будто тисками сжало, в ушах пульсировала бешено бегущая по венам кровь. Он ведь считал, что жена полностью под его контролем. Сука, где только храбрости набралась? Неужели мать права, и эта курва успела снюхаться с братцем? Вряд ли, ненависть к предателю у Лиры была слишком сильна. Он столько лет внушал ей ложь, что уже и сам не знал, где истина. Да и генерал бы знал наверняка, если бы... Черт, генерал. Этот старый урод крепко держал его за яйца, и Дмитрия это страшно бесило. Старый мудака поставил всего одно условие, прежде чем помочь удержать на плаву бизнес. И теперь все летит к дьяволу в задницу. Он то думал эта дурища поплывет, увидев Милану. Но... – Твою мать, – заорал он, не в силах сдерживать рвущуюся из груди ярость. Стакан с грохотом ударился в стену. Уродливые брызги разлетелись по комнате, вместе с хрустальной крошкой.

– Ты что тут шумишь? Я чуть уложила девчонку, – мать появилась в кабинете, словно призрак. Материализовалась, прямо возле него. И по ее поджатым губам, он понял, что она в ярости.

– Эта девчонка твоя внучка, – рявкнул Дмитрий. – Ты сама делала ДНК тест.

– Правда? Нет, дорогой мой сын, если бы ее родила твоя законная жена, она бы была мне внучкой. А так, она выблядок, рожденный шлюхой. Раздвинула свои рогатки, чтобы нажиться на дураке, у которого вместо мозга эрегированный член. Байстрючка твоя Милаша, кровь дурная.

– Жена? Мать, не смейся. Ты знаешь лучше других, что Лира не может родить. Ты сама ее сделала бесплодной. Или не помнишь?

– Я спасала ее жизнь. Вопрос стоял остро. Или мать или зародыш. Там так-то тоже мой внук был, если ты забыл, – скривилась Галина Степановна.

– Не ври. У Лирки не было тогда выкидыша. Угроза была, но ребенка ее убила ты. Я видел документы. Медицинский аборт, без показаний. С осложнениями. Так что не нужно тут строить из себя справедливую свекровь. Ты мою жену ненавидишь до слепоты. Что вдруг ты вспылала к ней такой любовью?

Он ведь с ума чуть не зашел, когда впервые увидел Лирку. Чужую Лирку, невесту брата. Обалдел, ослеп от зависти и желания обладать этой маленькой, похожей на фарфоровую статуэтку женщиной. У Олега все было лучше, начиная от отца, заканчивая счастьем, которое от этого обласканного судьбой придурка,лучилось, словно от ядерного реактора.

И это было не честно. Просто до зубового скрежета не справедливо, что они, рожденные одной матерью такие разные, и так по-разному проживающие свою молодость.

Потому он и повелся на материны интриги. Она ведь так хотела вернуть бывшего мужа-генерала, которому сама же по глупости наставила рога. Не погнушалась сделать подлость. А он просто хотел жить нормально. И хотел Лиру. Так хотел, что был готов на все.

Любил ли он Лиру? Да, любил. Сходил с ума, готов был пройти по трупам брата, если понадобится. А она смотрела на Диму открыто и по-дружески, как на глупого бесполезного щенка. Ему этого было мало. Ему всю жизнь всего было мало.

– Да, сыночка, только не забывай, что сделал ты. Так что не строй из себя доблестного рыцаря Айвенго. И отправь когонибудь из челяди в аптеку. Девка просала все памперсы.

– Я сам съезжу, – он хотел вырваться из этого дома. Лира продумывала его до мельчайших деталей, создавала подобие уюта, пыталась наполнить жизнью для их маленькой семьи, которую он сам разрушил своим чертовым желанием быть полноценным. Иметь то, что есть у других. Быть, как все.

– Тогда купи еще и пеленки одноразовые. Кстати, ты не хочешь поинтересоваться, как там твоя шаболда? Ее перевели из отделения интенсивной терапии. Жаль, что она пока не может рассказать, в какую страшную аварию она попала. Отвези пеленки несчастной, сынок, – криво ухмыльнулась мать. – И учти, подчищать за тобой я всю жизнь не смогу. Старость делает людей немощными. И болтливыми. Иногда вспоминаются такие тайны, которыми очень хочется по-

делиться.

– Я куплю пеленки, – сдавленно прохрипел Дмитрий. Мать, что, его шантажирует. Но, это ведь она... – Это же ты... Ты придумала, как убрать с пути своего Любу, а я просто...

– Милый, ну какой мне с того был профит? Я просто очень люблю своего сына. А вот ты получил желаемое, не так ли? Кстати, не задерживайся. Мне нужно съездить к бывшему мужу. Он не подпускает к себе посторонних медиков, а я почти родная. Генералу нужны ежедневные процедуры.

Дмитрий выскочил из дома, загибаясь от вихрящейся в мозгу злости. Черт, если правда выплывет наружу, он останется нищим, с дочерью на руках. Страх – самый страшный из демонов. Он рвет душу, пробуждая все грехи ада.

– Что там у тебя? – сглотнув слюну, спросила я, рассматривая огромную эмалированную кастрюлю, расписанную трогательными горошками. – Борщ?

– Лира, ты в порядке? – в голосе Буськи тревога. Смотрит на мою щеку, которая все еще горит от пощечины. Но душа моя поет. Настолько что сейчас я готова даже борща наесться, который кстати терпеть не могу. Но сегодня аж подводит желудок от желания полакомиться густым свекольным супом. – Твой козел приходил. С коляской. Его эта шмара сбегала, представляешь? Лир, ты же не натворила глупостей?

– Я натворила умностей. Бусь, со сметаной же борщ? – нетерпеливо ерзаю я на стуле, игнорируя вопросы подру-

ги.— Слушай, я изменилась. Переродилась. Сегодня. И теперь страшно хочу есть.

– А щека? Он тебя ударил?

– Он меня разбудил,— шепчу я, получив наконец тарелку вожаденного варева. К горлу подскакивает тошнота. И я вскакиваю с табуретки, накрытой кокетливой накидушкой с маками, зажав руками рот.

– На мясо токсокоз? Будет девочка, – хмыкает моя подруга. Она вроде ученый, а верит всяким бабкиным приметам. Смешная. Я точно знаю, что под сердцем у меня сын. Мальчик. И звать его будут...

Глава 12

Любовь-наказание?

– Лира, сегодня тебе придется работать без напарницы, – ошарашивает меня Амалия, едва я переступаю порог ресторана. – Дарья заболела. А ваши сменщицы отключили телефоны. Поганки.

– Но... Я же всего день отработала, не знаю ничего. А вдруг я не справлюсь? А вдруг... – шепчу я. Щека чешется. От пощечины на ней осталось некрасивая вишневая отметина и мне пришлось замазать ее тонной тонального крема. Амалия щурится. Рассматривает мою растерянную физиономию. Я явно переборщила с кремом.

– Ничего страшного. Будет боевое крещение. Сегодня на тебе только стойка рецепции, я сменю тебя где-то в час, чтобы ты могла пообедать и почистить женскую комнату. И вообще буду рядом. Выше нос, Лира. Считай это боевым крещением, – ободряюще улыбается начальница одними губами. Глаза, обрамленные дорогими ресницами остаются серьезными. – Кстати, в шкафу висит новая униформа, думаю с размером я угадала. Надень ее и приступай.

Белая блуза, жилет с бейджем, на котором написано мое имя, строгие брюки лисьего цвета – мне нравится униформа, солнечная и веселая. Мне, вроде идет. И в ней, даже, не так страшно становится возвращаться на рабочее место. Ама-

лия, одобрительно улыбнувшись, уходит. Я остаюсь наедине с дорогими полотенцами, которые нужно свернуть в рулончик и перевязать атласной лентой, прежде чем отнести их в туалет. Странно, почему бы не воспользоваться бумажными салфетками, но такова политика этого места.

– Здравствуй, Лира, – вздрагиваю. Знакомый голос заставляет мое сердце трепыхаться в груди. Будто бабочка со сломанным крылом, колотится оно в грудь изнутри.

– Я вас слушаю, – черт. Волна жара зарождается внизу живота, и словно ртуть на солнце, стремительно несется к лицу. С него, кажется, вот-вот отвалится слой «штукатурки», которой я камуфлировала сегодня, вчерашний "подарок" от любимого мужа. – какого черта тебе надо, Болмосов?

– Я вчера забыл пальто, – криво ухмыляется Олег, не сводя с меня взгляда прищуренных глаз, цвета топленого неба. Да, и такой бывает. Я вдруг понимаю, что страшно хочу сладкой ваты. Ну той, из парка, на палочке, выкрашенной с небесно-голубой цвет. – Вернешь? Или мне мерзнуть? Кстати, о чертях. Как там мой братец поживает?

– Ты не можешь замерзнуть, потому что и так изо льда целиком, – хриплю я неправду. Он никогда не был холодным. Скорее наоборот – раскаленным, казалось, что его жар может поглотить целую вселенную. Мою вселенную. А сейчас... Олег смотрит на меня с презрением. И от этого мне от чего-то страшно больно.

– Мне запрещено общаться с клиентами на личные темы.

Из-за тебя меня могут уволить, а это будет очень прискоробно,— говорю твердо, но голос все равно предательски дрожит.— Эта работа мне очень нужна.

— Не хочешь объяснить, какого хрена ты тут вообще делаешь? — напускная шутливость слетает с моего девера, как осенний лист с березы. И чертово небо в его глазах становится грозовым, того и гляди начнет молнии метать глазами. Передо мной на стойку падает дорогая визитка, — Лира, я остановился в этом отеле. Нам надо поговорить. Я хочу чтобы ты меня услышала. Мне не нужно от тебя ничего. Просто...

— Нам не о чем говорить, Болмосов. Я слышала твои сказки. Все что было шесть лет назад, пусть там и останется. Это слишком больно. Тем более, что уже ничего нельзя изменить. А то, что происходит сейчас, тебя не касается. Моя жизнь тебя не касается, понял? Что ты лезешь всегда? Я сама в состоянии позаботиться о себе. А подачки от тебя унижительны, — черт, я почти кричу. Какого лешего ему нужно? Зачем он снова ковыряется в моей душе? Он же подонок. Обычный неблагодарный сукин сын, который даже отца своего смешал с грязью. Я на негнущихся ногах иду к скрытому за зеркальной дверью гардеробу. Дышу глубоко, чтобы снова не свалиться перед ним в обморок. Раз-два-три. Пакет бы бумажный мне, как в самолете. И вообще — самолет бы. Чтобы улететь отсюда к чертовой бабушке. А еще лучше ракету. Только вот от себя не сбежишь, даже в космос, даже к

бесу на рога.

– Ваше пальто,– искусственно улыбаюсь, положив перед Болмосовым вещь из тончайшего легкого кашемира. Дорогая тряпка, пахнувшая им. Горло сжимает очередной спазм. – Проверите карманы, а то вдруг я что-нибудь сперла?

– То, что ты украла я ношу не в кармане, Люся.

Вздрагиваю, услышав прозвище, которым звал меня только Олег. Люся. Сердце делает кульбит, в голове рвутся пестарды, до слепоты, до боли.

«Люся, у нас с тобой впереди столько всего интересного. Клянусь, что буду тебя удивлять целую жизнь» – со смехом пообещал он мне в тот день, когда я умерла в первый раз. Ему удалось меня тогда ошарашить. На всю жизнь. Не соврал хоть в этом.

– Прощайте, господин Болмосов.

– До скорого, мадам Соломатина. Кстати, рыжий тебе идет, Лира. Твой муж уже видел тебя в робе?

– Мой муж не ваша печаль,– шиплю я.

– И почему мне кажется, что тебе нужна помощь? – кривится Олег.

– Ты последний человек, от кого я ее приму, Болмосов. Уходи, прошу тебя. Если ты так решил свою вину передо мной загладить, не стоит. Я не прощу...

– Да на кой хер мне твое прощение, дура? Мой отец хочет тебя видеть. Послушай...

– Не выдумывай. Я больше не поведусь на уловки вашей

семейки. Вы меня выломали всю. Оставьте уже меня в покое
все. Генерал единственный нормальный среди вас. Но я не...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.